

Виртуальные самоуправляющиеся сообщества. Проблемы формирования

Б. В. Сазонов, Е. А. Богомолова

1. «Партнерство власти, бизнеса и населения» — соучастие в административном управлении или управленческое «сообщество»?

До сих пор мы рассматривали проблему партнерства между территориальной административной властью, бизнесом и населением, главным образом с точки зрения двух последних — бизнеса и населения, и видели суть проблемы в их подключении к процессам принятия и реализации управленческих решений — участия на правах не просто исполнителей, а субъектов данных процессов, то есть тех, в чьих интересах они осуществляются и кто способен влиять на характер этих процессов, управлять их динамикой¹⁾. Анализ сложившейся ситуации в административном управлении показывает, что сегодня население, а в значительной части и бизнес не являются такими субъектами или равноправными участниками процессов территориального управления. С этой точки зрения основной сложностью выступают процедуры «субъективации» населения и бизнеса, то есть приобретение ими таких ресурсов управленческой деятельности, которые позволяют им стать участниками управления. При этом главное внимание в наших работах последнего времени уделялось роли современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) — и как инструмента субъективации, и как пространства существования партнерства власти, бизнеса и населения. Предполагалось, что по мере информатизации административно-управленческой деятельности растет ее открытость и вместе с тем технологичность. И в этом открытом и технологичном пространстве могут участвовать представители бизнеса и населения, имея доступ к технологиям и тому содержанию, которое через них проходит.

Однако при этом на задний план уходил вопрос о системной природе такого партнерства. А именно, территориальная администрация действует как разветвленная и глубоко эшелонированная бюрократическая система,

¹⁾ См. *Сазонов Б. В.* Понятийное пространство исследования ИСТ-сообществ // Информатика сообществ и формирование сетей. Перспективы, подходы, инструменты. Ч. 2. М.: ИСА РАН, 2004.

тогда как новые предполагаемые участники административно-территориального управления представляют собой фактически атомизированные социальные единицы. Это очевидно по отношению к населению, но верно и для бизнеса. Его единицы конкурируют между собой, имеют разнонаправленные интересы, и опыт показывает, что даже их объединение перед лицом администрации как враждебной стороны в различные союзы не ведет к какому-либо реальному сплочению.

Поэтому «участие» бизнеса и населения в партнерстве с властью оказывается дефицитным по отношению к тем задачам, которые на него возлагаются. Вопрос в том, смогут ли бизнес и население выступить определенной организованной социальной силой, которая способна проявлять и реализовывать свои интересы в рамках партнерства. (Вопрос несколько парадоксальный, поскольку по декларации власть для того и существует, чтобы реализовывать эти интересы.)

Представляется, что наиболее близко к обсуждаемой проблеме понятие «сообщества» как такой организационной единицы, которая собирает атомарные социальные единицы в определенную самоуправляющуюся систему. Для нас важны обе эти характеристики — и объединения относительно автономных единиц, и самостоятельность целого. Добавим — важна также способность сообщества вступать в кооперативные («партнерские») отношения с другими социальными структурами, активно вести себя в социальной среде (административная власть может рассматриваться и как среда, и как партнерская структура в пространстве коммуникации и взаимодействия). В принципе, идеальной моделью являлось бы формирование такого партнерства, которое способно выступать единым сообществом при решении управленческих задач определенного типа, так, геополитических задач, стоящих перед страной.

Проблему формирования сообществ в системах управления можно, конечно, обсуждать на сугубо теоретическом уровне, поскольку крайне трудно найти наличный материал для эмпирического прикладного исследования. Тем не менее, нам представляется, что есть эмпирическая область, проблемы развития которой в условиях современных ИКТ могут служить некоторой моделью для обсуждаемой нами проблемы формирования партнерств. Такой эмпирической моделью могут служить «научные сообщества» по следующим основаниям:

- наука изначально создавалась и существовала в форме относительно автономных профессиональных сообществ, связанных общей целью, нормами и технологией работы;
- эти сообщества могут быть отнесены как к сфере бизнеса в его широком понимании, будучи функционально встроены в общественно-производственную среду с четкой фиксацией целей и прояснением организационного статуса, так и к «населению», выступая,

- в частности, в качестве некоммерческих общественных объединений и организаций²⁾);
- несмотря на относительную автономность, наука, научные сообщества постоянно выстраивают те или иные партнерские отношения как с властью, так и с населением — не только делая его предметом исследования, а и в связи с трансляцией результатов исследования в качестве топик общественного сознания;
 - научные сообщества переживают не простой для них период вступления в новую информационную эпоху, которая обострила старые проблемы и поставила новые;
 - наука, как мы увидим дальше, сумела преодолеть некоторые из этих проблем, построив основанные на ИКТ виртуальные сообщества нового типа;
 - при этом остаются и встают заново проблемы партнерства с обществом и такими его структурами как власть и, если это случится, структурированным и приобретшим статус субъекта населением.

Далее мы рассмотрим классическое научное сообщество с его проблемами; рассмотрим обострение этих проблем и появление новых в связи с распространением ИКТ; опишем инновации в деятельности научного сообщества и как способ решения этих проблем и как путь к собственному развитию. В заключение мы проинтерпретируем процессы развития научного сообщества в новом информационном пространстве как модель формирования сообществ в структуре партнерств власти, населения и бизнеса в рамках Электронного правительства (еще одного социального следствия развития информационного общества).

2. Ключевые характеристики традиционного научного сообщества

Приводя характеристики классической организации науки, мы будем ссылаться на Учебное пособие «Социология науки», а именно, на ту его часть, которая называется «Определение ключевых понятий». Автором этого толкового словаря является ведущий отечественный науковед проф. Э. М. Мирский. Само же Учебное пособие размещено на сайте «Курьер российской академической науки и высшей школы. Ежемесячный электронный журнал» по адресу <http://www.courier.com.ru/>.

В анализе виртуального научного сообщества в области общественной науки и новых горизонтов взаимодействия, которые открывает перед ним Интернет, я буду обращаться к таким традиционным для науковедения

²⁾ Понятие населения вообще является неопределенным, несмотря на его, казалось бы, эмпирическую очевидность.

вопросам, как то: что такое *научное сообщество*, чем, с одной стороны, задается то или иное его *объединение или единство*, и, с другой стороны, каковы *организационные формы* его существования, как осуществляется *научная коммуникация*, что является *коммуникативной единицей «презентации» человека в качестве ученого*.

Начнем с трактовки краеугольного понятия о научном сообществе. **Научное сообщество (НС)**, совокупность ученых-профессионалов, организация которой отражает специфику научной профессии... НС ответственны за целостность науки как профессии и ее эффективное функционирование, несмотря на то что профессионалы рассредоточены в пространстве и работают в различном общественном, культурном и организационном окружении. Деятельность институтов и механизмов НС по реализации этой цели обеспечивает следующие главные характеристики профессии:

1. Обладание совокупностью специальных знаний, за хранение, трансляцию и постоянное расширение которых ответственно НС.
2. Относительная автономность профессии в привлечении новых членов, их подготовке и контроле их профессионального поведения.
3. Заинтересованность социального окружения профессии в продукте деятельности ее членов (новом знании и владеющих им специалистах), гарантирующая как существование профессии, так и действенность профессиональных институтов.
4. Наличие внутри профессии форм вознаграждения, выступающих достаточным стимулом для специалистов и обеспечивающих их высокую мотивацию относительно профессиональной карьеры в различных социально-культурных окружениях.
5. Поддержание инфраструктуры, гарантирующей координацию и оперативное взаимодействие профессионалов и их объединений в режиме, обеспечивающем высокий темп развития системы научного знания.

Рассмотрим характеристики профессии с тем, чтобы в дальнейшем обсудить их с точки зрения новаций, которые привносят современные ИКТ и Интернет с его виртуальными (научными в нашем случае) сообществами. В исходном, первом пункте говорится об ответственности НС за хранение, трансляцию и умножение специальных знаний. В этой формулировке присутствуют, фактически, три составляющие, каждая из которых относительно автономна и нуждается в собственном определении и анализе. Это *специфика* научных знаний (в нашем случае гуманитарных) среди знаний другого типа, способы их *хранения и трансляции*, а также механизмы их *умножения*.

Наверное, одним из самых главных как для самого сообщества, так и для его социального окружения является вопрос о *специфике гуманитарного знания*, а еще точнее, вопрос о том, что в области знания

об обществе является научным, а что относится к паранауке или просто лженауке, или в лучшем случае, к обыденному мнению, распространяемому через те же СМИ. Прямого ответа на этот вопрос не существует, и науковедение предлагает ряд косвенных разъяснений, которые проявляются в процессе обсуждения организационной стороны дела. Такое обращение к организационной действительности не является случайным, но отражает, как нам представляется, ее ключевую роль в существовании гуманитарного научного знания. Покажем это, продолжив нашу цитату: «Важнейшими организационными характеристиками социальной системы типа „сообщества“ (community, Gemeinschaft) является опора на представление об общности цели, устойчивые традиции, авторитет и самоорганизацию, в то время как в ее арсенале отсутствуют характерные для систем типа „общество“ (society, Gesellschaft) механизмы власти, прямого принуждения и фиксированного членства». С этой точки зрения, в качестве такого элемента научного сообщества как научное знание выступает то, что поддерживается научными авторитетами, лежит в русле истории (которая во многом есть история тех же авторитетов) и, наконец, удовлетворяет некоторому критерию целесообразности.

Если вопрос о роли авторитета поначалу кажется достаточно ясным, то указание на общность цели этой ясности лишено: «Общей целью НС и каждого входящего в него профессионала считается увеличение массива достоверного НС научного знания. Действие механизмов НС жестко направлено на максимальную интенсификацию этого процесса. В то же время попытки из самых благих побуждений средствами НС затормозить получение знания в отдельных областях (различного рода запреты и моратории), как правило, оказывались малоэффективными и требовали для своей реализации внешнего вмешательства». Такая бессодержательная, подчеркнутая «либеральной» индугенцией, трактовка цели научного сообщества, которая не дает никаких критериев для определения научности прирастаемого знания, вряд ли кого-то может удовлетворить, и наряду с чисто количественной трактовкой цели автор вводит нечто более содержательное: «Ключевую роль при этом играет представление о дискретности массива знания, который может быть увеличен за счет отдельного „вклада“ — кванта нового знания. В основе представления о вкладе лежит представление о „решенной проблеме“ — принципиальная инновация, укоренившаяся в европейском естествознании со времен британской эмпирической школы. Результат, достоверный редколлегией и опубликованный в дисциплинарном журнале, признается событием, „закрывающим“ исследуемую проблему на данный момент. Этот результат входит в дисциплинарное знание. Его можно обсуждать и опровергать, но им нельзя пренебрегать — это свидетельство некомпетентности. Таким образом, вкладом в дисциплинарное знание (основным мерилем заслуг ученого перед сообществом) является либо перевод в разряд решенных

какой-либо новой проблемы, либо опровержение или корректировка решения проблемы, которая уже была известна». Однако такое, оперирующее понятием проблемы, уточнение по поводу новоявленного знания все же не является его содержательной оценкой. Фактически, мы приходим все к тому же организационному механизму фильтрации знания на предмет его научности. В качестве фильтра, или, если угодно, цензуры выступают все те же научные авторитеты, в руках которых находятся организационные рычаги влияния в виде ведущих дисциплинарных изданий, а также, добавляет автор, присуждения наград и званий, что в совокупности обеспечивает приток учеников, премий и грантов.

Исключительной формой представления «вклада» или кванта нового знания, который проходит через фильтр научных авторитетов и становится предметом оценки научного сообщества, является публикация: **«Публикация** выступает как первичный источник сведений о научном знании, отношениях между учеными, строении и динамике научных объединений и т. п. Для науковеда, философа, логика, методолога, специалиста по информатике, а до недавнего времени и для социолога науки, той конечной реальностью, из которой исследователь черпает свои представления о науке, выступают публикации. В иных формах наука этим исследователям не дана. Даже в истории науки, где наряду с публикацией тщательно и подробно изучаются другие документы (неизданные рукописи, черновые наброски, письма, воспоминания современников и т. п.), примат научной публикации как основного источника историко-научного исследования выступает не только неперемнным условием, но и методическим принципом. Отличающиеся друг от друга изображения науки в различных исследовательских традициях — получение нового знания и переход от одной теории к другой (логика развития науки); представление о парадигме, научном сообществе и регулирующих отношении между его участниками нормах (концепция Т. Куна); распределение ролей между участниками научной деятельности и типология ученых (социология и психология науки) становятся объектами изучения лишь постольку, поскольку сведения о них имеются в научной публикации». Э. М. Мирский регулярно уточняет, что, выделяя и описывая те или иные элементы науки и научного сообщества, он говорит не об этих «сущностях» как таковых, а о моделях, принятых в науковедческом сообществе. Так, акцент на публикациях, по его словам, был сделан лишь менее двадцати лет назад. Хотя науковедение, фактически, всегда опиралось на публикации как на первичный эмпирический материал, когда строило представления об идеальных объектах подобных научному знанию, научной теории, научному сообществу, а также анализировало процессы развития науки с ее идеальными объектами. Современное науковедение сделало публикации, их устойчивые массивы-архивы как непосредственным предметом исследования, так и инструментом, посредством которого выяснялись

существенные организационные характеристики научной деятельности в целом. Э. М. Мирский подчеркивает, что устойчивость массива-архива публикаций во многом связана с жесткими стандартными требованиями к оформлению публикации: «Идет ли речь об эпохальном открытии или о подтверждении некоторого частного результата, о драме идей или о будничной полемике, конечный продукт всегда приобретает стандартную универсальную форму». Внутри массив-архив публикаций структурирован таким образом, что каждый элемент не только продолжает сохранять устойчивость, а и обладает целостностью. Обеспечивает эти характеристики дисциплинарное построение науки.

Дисциплинарное строение науки вообще оказывается важнейшей характеристикой науки во всех ее компонентах, начиная от научных знаний и заканчивая организационными механизмами. Можно сказать, что ее эмпирическое существование проявляется в дисциплинарных публикациях и дисциплинарной организации профессионалов-ученых, которая хотя и меняется со временем, но остается значительно более стабильной, «устойчивой» по сравнению с теми же административно-организационными структурами. **«Научная дисциплина** (от лат. *disciplina* — учение), базовая форма организации профессиональной науки, объединяющая на предметно-содержательном основании области научного знания, сообщество, занятое его производством, обработкой и трансляцией, а также механизмы развития и воспроизводства соответствующей отрасли науки как профессии. Представление о научной дисциплине используется как максимальная аналитическая единица исследования науки в работах по науковедению, истории, философии, социологии, экономике науки и нанотехнического прогресса... Эффективность дисциплинарной формы организации науки особенно наглядно проявилась в том, что она оказалась инвариантной относительно социально-экономического и культурного окружения и в настоящее время практически не имеет организационных альтернатив. Более того, по дисциплинарному принципу строится организация знания и система подготовки специалистов во всех сферах профессиональной деятельности (к примеру, медицина, инженерное дело, искусство), вынужденных в процессе передачи опыта новым поколениям специалистов оперировать с обработкой и трансляцией больших массивов знания... Столь высокая эффективность дисциплинарной организации обеспечивается постоянной интенсивной работой по поддержанию и развитию организационной структуры дисциплины во всех ее аспектах (организация знания, отношений в сообществе, подготовка научной смены, взаимоотношение с другими институтами и пр.)... Центральное место занимает методологическая и логическая работа по организации дисциплинарного знания, его актуализации, превращения в набор инструментов для проведения нового исследования... Спецификой работы по организации знания определяются и характер усилий по поддержанию

профессионального единства в научном сообществе дисциплины. Это сообщество объединяет подчас тысячи профессионалов, работающих в разных точках земного шара в разных странах, социально-культурных системах и различном непосредственном организационном окружении (университетские кафедры, академические или федеральные лаборатории и службы, экспедиции и т. п.)... Механизмы самоорганизации сообщества и основанная на них система социального управления вынужденно проста и может действовать оперативно только из-за высокой степени организованности дисциплинарного знания. Благодаря этому может быть задана общая цель сообщества и каждого входящего в него профессионала — увеличение и развитие дисциплинарного знания. Соответственно, определяется дискретное представление одного шага на пути к этой цели — вклад в знание, и главные регулятивы: профессиональное признание, которым вознаграждается автор вклада, или рассеянная санкция — жесткая и немедленная реакция сообщества на действие его членов, случайно или намеренно затрудняющих достижение цели (плагиат, фальсификация результатов, публикация непроверенных данных и т. п.). Оценка вклада, точнее результата, претендующего стать вкладом в знание — экспертиза, в которой в той или иной форме обязаны принимать участие все члены сообщества. В этом научное сообщество существенно отличается от сообществ других творческих профессий, в которых институт экспертизы (критики) существует отдельно от собственно творческих подразделений. Обеспечить компетентную критику в таких условиях становится возможным только благодаря организованности и четкой структурированности всей системы». К сожалению, жанр статьи не позволяет привести множество других, разбросанных в разных местах, высказываний цитируемого автора по поводу роли дисциплинарной организации науки, которые существенны и для понимания проблем вхождения традиционного научного сообщества в новый технологический мир и для обсуждения путей выхода из этих проблем. Но тем выводам, которые мы собираемся сделать, эти высказывания не противоречат.

Одно из центральных направлений при обсуждении дисциплинарной организации науки принадлежит вопросам коммуникации между членами сообщества: «Актуальное оперативное взаимодействие внутри научной дисциплины реализуется с опорой на хорошо структурированную и технологически оснащенную **систему научной коммуникации** — профессионального общения ученых, которая выступает главным средством самоорганизации дисциплинарного сообщества... одним из главных механизмов развития науки... Массированное изучение научных коммуникаций социологами, психологами, специалистами по информатике и др. в конце 50-х — начале 60-х гг. было связано с поиском возможности интенсифицировать исследовательскую деятельность, справиться с так называемым „информационным взрывом“, удовлетворить отчетливую

потребность в организационной перестройке американской науки в послевоенных условиях. При этом коммуникационную интерпретацию получили практически все информационные процессы, происходящие в современной науке, начиная с массива дисциплинарных публикаций и важнейших информационных собраний (конференции, симпозиумы, конгрессы) и функционирования мощных систем научно-технической информации и кончая личными контактами ученых по поводу мелких эпизодов исследовательской деятельности... Массивы эмпирических данных о развитии знания в процессе взаимодействия исследователей оказались настолько интересными, что их интерпретация в понятиях различных дисциплин в значительной мере стимулировала формирование в 60-х – 70-х гг. таких направлений исследования, как изучение научных революций в постпозитивистских концепциях, новые подходы к социально-психологическим особенностям научного творчества, науковедение, информатика и др....

Были выявлены основные коммуникационные структуры, которые позволяют в считанные недели подключить к срочной экспертизе важного исследовательского результата практически всех участников мирового научного сообщества данной дисциплины. Эти, как правило, двухуровневые структуры включают сравнительно небольшую группу признанных лидеров, находящихся в постоянном деловом общении, и их сотрудников и аспирантов, получающих значительную часть информации через лидеров и обеспечивающих ее оперативное обсуждение... Информация, полученная в исследовании научных коммуникаций, выступила научным обоснованием „организационной революции“, которая произошла в науке США, а затем и наиболее развитых стран Западной Европы в 60-х гг.». Мы хотим обратить внимание на то, что те громадные изменения, которые произошли в организации науки и ее окружении в 50–70 гг. прошлого века были связаны «всего лишь» с исследованием научных коммуникаций ради управленческой задачи повышения эффективности деятельности научного сообщества. Здесь еще не нашли отражения те трансформации, которые связаны с революцией в технических средствах и технологиях коммуникации.

Наконец, для нашей темы важны те замечания Э. М. Мирского, которые касаются связки так называемых **«невидимого колледжа»** и **«переднего края исследований»**. Посредством соответствующих представлений объясняются значимые механизмы развития науки, которые выходят за рамки имманентного развития института науки как определенного организма, пущенного на саморазвитие и самоорганизацию. Как такого автономного организма, который интересен прежде всего самим профессиональным ученым и который подчиняется «невидимой руке» института науки, заставляющей, в частности, непрерывно осуществлять самоценный процесс порождения новых знаний. За счет введения этих представлений наука становится относительно открытой системой, доступной

каким-то посторонним силам. Хотя, как утверждается, достаточно быстро эти внешние силы ассимилируются имманентными механизмами института науки и, вероятно предполагается, что они не оказывают существенного возмущающего воздействия на предшествующее состояние научного сообщества. Такая открытость только намечается, становится возможной в невидимом колледже и становится явной на переднем крае науки: «**Невидимый колледж**, не институционализированная группа исследователей, согласованно работающая над общей проблематикой. Термин, введенный в науковедение Д. Берналом, был развернут Д. Прайсом в гипотезу о „невидимых колледжах“ как коммуникационных объединениях, имеющих определенную, достаточно устойчивую структуру, функции и объем... В ходе исследований не только подтвердилось наличие групп с совершенно определенными и достаточно устойчивыми параметрами, но и выяснились структурные, динамические закономерности развития таких групп как общей формы становления новых исследовательских направлений и специальностей... Понятие „**передний край исследований**“ (research front), было в конце 50-х – начале 60-х гг. введено Д. Д. Берналом и Д. Прайсом в программу „науки о науке“ как новой самостоятельной области исследования. Представление о переднем крае вводилось в расчете на интуитивную ясность и эмпирическую очевидность его содержания для любого работающего ученого. Имелось в виду, что исследовательская деятельность (естествоиспытателя) осуществляется на границе познанного и непознанного и что пребывание в этой пограничной зоне придает особый характер как взаимоотношениям между исследователями так их отношению к научному знанию — его отбору оценке, способам обработки... С другой (внешней относительно дисциплинарной системы) стороны границы, т. е. **на переднем крае**, организация знания уже не задается состоянием дисциплинарной системы, а отражает принципиально иную функцию знания — интеллектуальное обеспечение исследований, прагматика которых в свою очередь определяется теми более широкими областями научной и/или практической деятельности, в которые включены исследования. При этом предсказать заранее, какая именно группа результатов (содержательная, методическая, техническая) и для какой именно группы специалистов окажется особенно ценной, невозможно. Поэтому изучение организации знания на переднем крае ведется с совершенно иных позиций, а во многом и на ином эмпирическом материале, нежели исследование организации дисциплинарного знания.

В отличие от дисциплинарной организации знания, где публикационный массив задавал единую группу обобщенных и относительно стабильных ориентиров для поддержания и развития системы дисциплинарного знания, организованной по собственным законам, на переднем крае исследований ориентиры, задающие мотивацию исследователей и воздействующие на выбор тематики работы, гораздо более разнообразны и менее

организованы. Главную роль в структуризации представлений о состоянии переднего края играет уже не дисциплинарный массив, а оперативная научная коммуникация. Здесь исследуется структура, типологические особенности, интенсивность и направленность коммуникации. В частности, весьма существенной является информация о временной глубине переднего края. Исследования в различных дисциплинах показывают, что после того момента, когда некоторый фрагмент знания попадает в систему коммуникации на переднем крае (первое сообщение на внутреннем семинаре подразделения), затем проходит все стандартные коммуникационные события и, наконец, выводится из системы коммуникации (его обсуждение прекращается по любой причине), протекает порядка двух лет. Эта сравнительно небольшая глубина переднего края свидетельствует об очень интенсивном процессе содержательного изменения обсуждаемой проблематики... Дисциплинарное знание на переднем крае играет роль лишь одного из ориентиров — адреса возможных приложений результатов исследований. До тех пор пока научное знание дано нам через сведения о коммуникации по его поводу, мы не в состоянии отделить в этой синкретической картине элементы, характерные для организации знания, от организационных особенностей, связанных с разделением труда, техникой коммуникации, величиной и статусом конкретного исследовательского сообщества и другими организационными характеристиками коммуникации, не имеющими прямой связи с ее содержанием. Тем самым понятие переднего края приобретает еще одно важное измерение — передний край связывает дисциплинарно организованную науку с организационным, и далее, с социальным окружением исследований, являясь своего рода границей между наукой и обществом».

Соглашаясь, практически, со всем тем, что говорит (оставаясь в русле науковедческой традиции³⁾) Э. М. Мирский по поводу сложившегося института науки, мы особо выделим то его высказывание, в котором, с нашей точки зрения, желаемое выдается за действительное ради поднятия приоритета профессионализма: «Важно подчеркнуть, что на переднем крае особого внимания требует учет основного принципа организации научной профессии — инициатива всегда идет от самих профессионалов. Они наиболее квалифицированно могут предположить, каким образом те или иные неясные идеи или практические задачи могут быть преобразованы в предмет изучения, сформулировать исследовательскую проблему, определить необходимые ресурсы всех видов, наконец, взять на себя персональную ответственность за результат. При такой постановке проблемы

³⁾ О близости цитируемого автора к магистральной науковедческой традиции можно судить, сопоставляя данные тексты с теми, которые даны в изданном под его же редакцией в серии «Логика и методология науки» сборнике переводов «Научная деятельность: структура и институты» (М.: Прогресс, 1980).

взаимодействия между (научной) профессией и ее общественным окружением или, в других терминах, проблема поддержки науки — это в главной своей части проблема информирования научного сообщества о потребностях общества и о тех ресурсах, которые общество готово расходовать на удовлетворение этих потребностей».

3. ИКТ — рубеж для отечественной общественной науки

К сожалению, жанр статьи не позволяет привести и подвергнуть анализу тексты Э. М. Мирского и других авторов, работающих в этом же русле, которые посвящены многообразным сегодняшним событиям, кардинально меняющим условия жизни отечественной науки. (Не говоря уже о подобном анализе зарубежной науки, которая находится в привилегированном, по сравнению с отечественной, положении.) В какой-то мере это вызвано тем, что традиционная отечественная институциональная наука сегодня не столько трансформируется сообразно меняющимся условиям, сколько консервируется и в этом положении вымирает большими фрагментами по чисто естественным причинам. Поэтому кажется вполне допустимым такой анализ, когда новые реалии вокруг науки рассматриваются по отношению к той традиционной науке, которую описывал цитируемый автор, и полноценным представителем которой была советская наука. Из этих реалий мы выберем ИКТ как пространство, в котором по-новому живет интеллектуальная деятельность, в том числе претендующая на то, чтобы называться научной, и в том числе пытающаяся модернизироваться традиционная гуманитарная наука.

Основной тезис сводится к тому, что это новое технологическое пространство затрагивает все отмеченные выше устои традиционного института науки, одновременно обостряя его старые проблемы, скрытые за эзотерикой традиционной организации науки. Степень этого влияния и его характер — катастрофический или же развивающий — предстоит еще оценить. Точнее, оценить его последствия как «естественного» процесса и выработать конструктивные шаги в зависимости от принятой стратегии по отношению к науке.

В принципе, анализ влияния ИКТ на научную жизнь можно начать с любого элемента ее структуры. Удобство системного представления науки в том, что какой бы элемент мы не выбрали, логика системы позволит нам дойти до каждого из них. Сложность же состоит в невозможности автономно обсуждать влияние ИКТ на отдельный элемент, не учитывая его системных связей.

Начнем с такого элемента системы науки, по отношению к которому очевидна инновационная способность ИКТ — **публикации**. Действительно, Интернет позволяет практически любому лицу опубликовать «текст»

любого содержания и объема. Вопрос в том, в какой мере, а, точнее, каким способом этот текст может быть признан принадлежащим к науке, быть научной публикацией или научным знанием и реализовывать тем самым главную цель науки — умножать знание⁴⁾.

Критерием научности текста признается следование выработанным самим научным сообществом жестким стандартам. К таким стандартам принадлежит, в частности, следование определенной форме, в которой должна быть поставлена дисциплинарная проблема, проявлено отношение — следования, критики или какое-то иное, но в любом случае коммуникативное — к другим членам сообщества, если это эмпирическое исследование, то должен быть представлен эмпирический материал и методы анализа, представлен понятийный аппарат.

Реальные трудности общественной науки, еще до всякого Интернета, состоят в том, что практически отсутствует грань между постановкой практической и научной проблемы, как в глазах общества, так и зачастую самих исследователей. Лишь методологическая оспособленность ученого определяет то, в какой мере он переводит первую во вторую. Но фактом является то, что могут существовать целые отрасли научной деятельности, которые не делают этого и порождают псевдонауку и псевдонаучное знание. В качестве примера мы можем привести советскую градостроительную социологию, которая выступала в роли сервиса по отношению к социальной по своим последствиям деятельности градостроительщиков и не относилась критически к социальным основаниям и соответствующим понятийным конструкциям принятых ими решений. (Анализируя эту ситуацию, один из авторов данной статьи различил в свое время научный подход, включающий методологический анализ онтологий собственной эмпирии — искусственной, а не естественной по происхождению, и инженерный подход, который принимает эту онтологию как данность.) Дисциплинарная общность ученых в таких случаях не спасает. Напротив, она, как и любая другая общность (скажем, общность бонз советского градостроительства) работает на самосохранение и закрывается том числе для критики со стороны. Таким образом, он вневличностных критериев научности мы приходим к общности ученых и роли их лидирующей прослойки. Но именно они, с точки зрения классического науковедения, и выступают фундаментом научности — лидеры школ, которые удерживают, создают и возглавляют научные организации, определяют научные заслуги и формы их поощрения, а также контролируют главный источник науки — места, где публикуются и хранятся кванты научного знания.

Возвращаясь к содержательным, как бы внеорганизационным спецификациям научной проблемы, отметим такую ее науковедческую харак-

⁴⁾ Мы не будем давать ссылки на приведенные выше науковедческие цитаты, считая, что они легко угадываются.

теристику как дисциплинарность. Однако, как мы видели, причастность к дисциплине не спасает от возможного цветения квазинауки с ее организациями, лидерами и публикациями. (Если не убедителен пример с советским градостроительством, то можно привести историю с лысенковской биологической школой. Аргумент к чисто политическим, венаучным корням здесь не работает, поскольку межшкольная борьба может быть не менее жесткой.) Другой источник размывания критерия дисциплинарности — признание законности и огромной важности для развития науки междисциплинарных исследований, которые далеко не всегда складываются на стыке устоявшихся дисциплин, но могут появляться в связи с экспансией новых исследовательских направлений. По мере овладения массами методологией научного исследования, резко возрастает число желающих и способных создать новое направление и новую школу.

Что же касается жесткой иерархической организации классической науки, то и она может подтачиваться внутри этой науки. «Передовой край исследований» по определению не имеет классической жесткой организации и открыт для внешней экспансии под флагом той же междисциплинарности.

Отметим еще одну новую черту в организации научного сообщества. Точнее, не столько в данном сообществе, сколько на стыке с родственным по многим параметрам сообществом консультантов по управлению в общественной сфере. Можно находить сходство между этими консультантами и инженерами в технической области, однако здесь имеются существенные различия, о которых мы не будем говорить. Для нас важно другое — определенное время сообщества ученых и консультантов жили параллельно, будучи разными и профессионально, и организационно (скажем, они публиковались в изданиях разного типа, притом что консультанты вообще предпочитали не публиковаться). Однако высокие доходы консультантов, работающих в основном на бизнес, привели уже к экспансии ученых в область консультирования. Конвергенция произошла под знаком «эксперта», которым могли быть как те, так и другие. (Общественноведческая экспертиза отличается от научно-технической — это мнение, в лучшем случае подкрепленное некоторыми выкладками.) Эксперты ранжируются по степени близости к тем или иным кругам и источникам информации, но никак не по критериям научности — та же дисциплинарность им противопоказана, поскольку они должны ответить на вопрос о тенденциях развития некоторого события, а не его научно-предметного среза.

Таким образом, в этой обстановке появляется радикальная инновация — ИКТ, благодаря которой лидеры классической общественной науки теряют прежде всего публикационный рычаг. Но этого мало. Новая информационная действительность резко обостряет, казалось бы, второстепенные слабости в организации классической науки и позволяет этим публикациям и их носителям (назовем их **информационными лидерами**)

обрасти всеми теми атрибутами, которые существенны для классической науки, и начать вытеснять последнюю. Тем самым кризисные явления в отечественной общественной науке могут перерасти в ее общий кризис.

Информационные лидеры:

- Работают в идеологии общественных проблем, причем откликаются на них практически мгновенно. В отсутствии жестких методологических требований к переводу общественно-практических проблем в научно-предметные, дисциплинарные, они сразу переходят к их решению.
- Общество платит не за процесс исследования, а за его результат. Поэтому фигура эксперта становится главной, и никто не спрашивает о методах и процессах исследования, на основании которого сделаны экспертные заключения.
- В принципе, раскрытому эксперту не обязательно вписываться в роль научного исследователя, особенно в той ситуации, когда наука потеряла свой статус. Однако эта ситуация временна, и в самое ближайшее время начнется строительство научных «школ» такими экспертами, имеющими разнообразную поддержку, включая доступ к финансовым источникам.
- Нет ничего проще создания виртуальных научных центров за счет оформления соответствующего юридического лица и сайта, демонстрирующего жизнь этого лица. Научное сообщество становится «сетевым» и теряет былую иерархичность.
- В сетевом «экспертно-научном» сообществе исчезает такой критерий научности, как критика со стороны лидеров науки, контролирующих ведущие научные издания. Даже если такие центры сохраняются (скажем, за счет принадлежности к ведущему университету), они не могут контролировать массовый неуправляемый поток Интернет-публикаций.
- Сетевое «экспертно-научное» сообщество может по многим параметрам оказаться более живучим, чем классическая общественная наука. Перечень возможных последствий распространения ИКТ на область науки можно продолжать, но основная линия останется без изменений.

4. ИКТ как инструмент развития научного сообщества

Однако в рамках классической общественной науки возникли ответные шаги, которые не только снимают негативные последствия распространения ИКТ, но делают их важнейшим инструментом радикальных инноваций в науке, выводят ее на новые рубежи.

Речь идет о создании **Архивов социологических данных** и работе с ними по методу Вторичного анализа социологических данных. Суть данной организации работы в том, что социолог предоставляет в архивы данных первичные эмпирические данные по жесткой схеме, показывая весь методический арсенал проведения эмпирического исследования. И эти данные становятся доступными всему сообществу для вторичного использования в собственных исследованиях. И отдельно исследователь представляет текст, в котором показана работа с этими данными. Причем, опять-таки, эксплицируется и может быть оценен любым другим исследователем метод работы первого автора. Тем самым выстраивается система профессиональных требований к электронной публикации.

Рассмотрим подробнее, каким образом возможности, которые привнесли информационные технологии в область хранения знаний, были использованы для принципиально новой организации социальных, прежде всего эмпирических социологических исследований.

Важнейшим, а также наиболее трудоемким и дорогостоящим этапом таких исследований является сбор первичных эмпирических данных. В традиционном исследовании они как бы растворяются в проделанной работе, снимаются в интерпретации данных и теоретических выводах. Каждое последующее исследование начинает всю работу заново. Конечно, в эмпирической социологии весьма распространено обращение к готовой статистике, при этом к одним и тем же статистическим данным можно обращаться сколь угодно много раз. Тем не менее, историю (академической, классической) социологии принято начинать не с формирования систематизированной и развернутой социально-экономической статистики ради описания общественной ситуации и даже познания общественных закономерностей (А. Кетле во Франции, Ч. Бут в Англии), а с построения специфических предметно-теоретических парадигм (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер). В соответствии с методологической нормой, первичные эмпирические данные в классическом социологическом исследовании не лежат вне него, но являются одним из элементов, зависимым от концепции каждого конкретного исследования. Смена концепции исследования означает, что необходимо получать новые первичные эмпирические данные, проводя для этого соответствующее эмпирическое исследование. В рамках такого подхода тем не менее допустимо обращение к статистике, более того, одно из первых классических исследований — речь идет о Дюркгейме — было построено на статистике. Однако подобное исследование становится значимым, будучи вписано в контекст других сопредельных по предмету «полноценных» социологических исследований, которые все вместе и создают необходимое пространство специфических эмпирических данных внутри этого предмета.

Современные «безразмерные» электронные архивы позволяют хранить как традиционные результаты социологического исследования (ста-

ты, книги), так и первичные эмпирические данные и результаты их обработки в виде вторичных показателей. В итоге стало возможным повторное обращение к первичным эмпирическим данным любого исследователя со стороны. В простейшем случае этот второй исследователь принимает все концептуальные предпосылки первого исследователя и лишь пытается получить некоторые дополнительные знания, которые мог, в принципе, иметь и первый исследователь, но по какой-то причине не проделал нужной обработки собственных эмпирических данных. В более сложном случае второй исследователь по тем или иным причинам меняет нечто в исходной исследовательской концепции и ставит вопрос о том, могут ли и каким способом использоваться первичные эмпирические данные для работы в рамках новой концептуальной схемы.

Практически неограниченное накопление данных в электронных архивах имеет смысл только тогда, когда существуют электронные же способы обработки как качественных, так и количественных данных. Сегодня эта задача решена за счет создания мощных и доступных пользователю РС программ контент-анализа и статистической обработки данных, таких как STATISTICA и SPSS.

Коммуникация и рост научного сообщества благодаря широкому вторичному использованию первичных эмпирических данных основывается не только на наличии электронной вычислительной базы, но и на единстве профессионального сообщества в представлениях о методологии и методах эмпирического исследования.

Возможность применить парадигматически различные модели к одним и тем же данным эксплицирует методологическую составляющую социальных исследований, показывая, что их различие лежит не в плоскости объекта (и, как выясняется, данных об объекте), а в специфике методов исследования, в том числе способов категориального представления объекта исследования. И если в традиционной социологической науке было чрезвычайно трудно вывести исследователя в рефлексивно-методологический план по отношению к собственным исследовательским средствам, то в рамках метода вторичного анализа данных вопрос о модели, примененной по отношению к эмпирическим данным, оказывается естественным.

В качестве примера метода вторичного анализа социологических данных как шага развития социологии в связи с применением ИКТ можно обратиться к такой важнейшей составляющей в деятельности общественно-научного сообщества как **коммуникация**.

Продуктивная коммуникация в форме общения ученых-обществоведов встречается крайне редко, поскольку нужны дополнительные организационные и методологические усилия для того, чтобы субъекты коммуникации удерживали единый предмет обсуждения, понимали друг друга, строили единое проблемное пространство и продвигались в решении проблем. Эта трудность с особой остротой проявилась в виртуальном комму-

никационном пространстве в том случае, когда информатизация сводится лишь к переводу бумажных текстов в электронную форму. Если по поводу какого-то из них возникает полемика, что достаточно скоро, через два-три раунда обмена замечаниями происходит сдвигка и потеря исходного предмета дискуссии, реагирования на последний слой обсуждения⁵⁾.

Метод вторичного анализа социологических данных на базе архивов данных демонстрирует иной тип коммуникации, который стал возможен именно с применением ИКТ. И именно на базе этого типа коммуникации появляется одна из специфических черт нового виртуального научного сообщества. Здесь может не быть прямой полемики исследователей. Но она может развертываться за счет различного использования первичных данных, использования разных моделей, разных методологий. Рефлексия этих расхождений принадлежит уже не отдельным участникам дискуссии и не сводится к их частным отношениям. Она есть факт сообщества в целом. В рамках этой коммуникации, связующим элементом которой является единый информационный массив («архив данных»), могут возникать отдельные напрямую коммуницирующие сообщества, которых объединяет не только тематическое единство, а и вопросы парадигматического единства и расхождения. Все эти сообщества являются открытыми и предельно демократическими. Но при всем том, в них сохраняется высокий профессиональный уровень, поддерживаемый не только авторитетом лидеров — которые могут в этой ситуации меняться достаточно быстро, и следованием принятой технологии деятельности. Сообщество в целом оказывается уже не столько иерархическим, сколько сетевым.

5. Научное сообщество в информационном пространстве — элемент модели партнерства в Электронном правительстве

Представляется, что этот опыт может быть применен при создании Электронного правительства, а именно, при формировании сообществ населения и бизнеса в рамках партнерства власти, населения и бизнеса. Субъектных, то есть имеющих и использующих ресурс для участия в принятии и реализации управленческих решений, и структурированных едиными целями и технологиями участия. В рамках ИКТ технологической базой деятельности этого партнерства может служить методология

⁵⁾ Приведения примеров такой полемики заняло бы слишком много места. Сошлемся на сайт www.circle.ru, объединяющий сообщество методологов-последователей Г. П. Щедровицкого. В принципе, достаточно грамотно участвуя в семинарской дискуссии при наличии ведущего, методологи разваливают виртуальный диспут в несколько ходов. Более ли менее удачные форумы, при всем том, демонстрируют обмен мнениями, а не форму совместной научной работы.

вторичного анализа данных, работающего с «архивами управленческих данных». При этом одной из главных задач является создание таких архивов. Как мы помним, в основание архивов социологических данных были положены первичные данные эмпирических исследований американских социологов. Объем исходных данных значительно пополнился после того, как в такие архивы данных на законодательных основах стала попадать официальная экономическая статистика. Формирование архивов данных потребовало разработать единые стандарты проведения исследований и представления данных. (Социологическое исследование не считается теперь выполненным до тех пор, пока автор не представит наряду с текстом публикации первичные эмпирические данные, описав в том числе методы их сбора и последующей обработки.)

Создание таких архивов потребовало значительной организационной работы и воли, но было доведено до конца. Развитие методов вторичного анализа данных из архивов данных становится сегодня фактором трансформации организации общественной науки и ее преподавания. Сегодня по этой модели работают не только ассоциации исследователей, а и государственные архивы развитых стран мира.

Данная модель может быть использована при построении партнерских отношений населения с властью прежде всего, а также с бизнесом в той мере, в какой он участвует в исполнении публичных обязательств власти. Идея заключается в том, чтобы сделать информацию о процессах принятия властью управленческих решений ресурсом субъективации населения, то есть инструментом, благодаря которому оно может участвовать в управлении публичной сферы. В простом случае — проверяя основательность принятого решения. Далее — предлагая собственные решения, а также обсуждая и выстраивая модели управления, базирующиеся на совокупностях данных. Эти шаги позволят продвинуться в преодолении коррупции и возможности сколь угодно долго принимать неэффективные решения, вне зависимости от того, вызваны ли они коррупцией, или же некомпетентностью власти и бизнеса, действующего по заказу власти. Доступ к архивам управленческих данных создает, как мы видели на примере науки, материальную базу для единого коммуникационного пространства. А работа с управленческой эмпирией на базе той или иной парадигматики и тематической проблемы приводит к появлению персонифицированных сообществ и межличностной коммуникации.

Для формирования архивов управленческих данных необходимо, чтобы то или иное управленческое решение доводилось до сведения публики (в этом случае данный термин более адекватен, нежели «население») не только в своей результирующей форме, но и были приведены основания, по которым оно принято так, а не иначе. В идеальном случае это выглядит как технико-экономическое обоснование решения, помещенное в публичный архив управленческих решений.

Очевидно, что большинство принимаемых властью решений не имеет под собой развернутой аналитики, притом, что часть из них уже сегодня способна ее иметь. Но даже существующие данные и построенные на их обоснования управленческих решений закрыты для публики, в том числе потому, что выполнены в системе коммерческих структур. Эта ситуация может быть преодолена за счет либо законодательного требования к коммерческими структурами публиковать подобную аналитику, если они работают на средства бюджета, либо проведения и публикации публичной властью аналитики там, где это сегодня не представляется проблемой, либо поиска способов презентации оснований принимаемого решения, если таковых до сих пор не существует.

Очевидно также, что власть сама не будет разрабатывать такой публичный механизм принятия решений, ссылаясь в том числе на его не-реальность или высокую стоимость. Однако для отработки технологии такого механизма власть не столь уж необходима, поскольку технологические решения могут предложить те, кто знаком с современной практикой управления и готов участвовать в ее трансформации. Преимущество такого варианта в том, что становление публики в качестве субъекта управления становится делом самой публики, а не доброй воли власти. Эту деятельность публики невозможно прикрыть властным решением, поскольку она может быть рассредоточена в Интернет-сообществе, в том числе в связи с развитием Электронного правительства.